

Д.А. Ананьев*

D.A. Anan'ev*

Миграционные процессы и проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей

Migration Processes and Problems of Social and Economic Development of the Russian Far East (the Latter Half of the 19th – Early 20th Century) in the Works of English- and German-Language Researchers

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-3

УДК 930 (57)«15/19»

Выходные данные для цитирования:

Ананьев Д.А. Миграционные процессы и проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 29–42. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-03.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-3

How to cite:

Anan'ev D.A. Migration Processes and Problems of Social and Economic Development of the Russian Far East (the Latter Half of the 19th – Early 20th Century) in the Works of English- and German-Language Researchers // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 29–42. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-03.pdf>

Abstract. The article gives an overview of key studies published by the English- and German-language researchers on various issues of social and economic development of the Russian Far East during the ‘late imperial’ period, when this region attracted thousands of migrants. The paper objective is to determine what problems were of particular interest to Western researchers evaluating the latter ones’ contribution to the study of this topic. It is established that Western specialists using theories of “colonization” and “colonialism”, methodological tools of historical demography and “ecological history”, focused on the problems of agrarian colonization of the region; migration of population from other parts of the Russian empire and neighboring countries (China, Korea, Japan); development of Far Eastern trade. German-language authors of the early 20th century (K. Wiedenfeld, W. Klumberg) applying the colonization paradigm rather negatively assessed the results of agricultural colonization of the Far East during the post-reform era. The contemporary researchers (K. Spiess, A. Moritsch, D. Landgraf et al.) admitted both achievements and problems of the resettlement process in the Far East, adopting a “middle-ground” position. English-language authors emphasized the sociocultural and ecological aspects of economic activities of resettlers, problems of interrelations between various ethnic groups (L.H. Siegelbaum); tried to put the economy of the Russian Far East into the international context, highlighting the importance of geopolitical factor, the rivalry between the colonial powers (J. Stephan, M. Sokolsky).

Keywords: Western historiography; Russian Far East; agrarian colonization; migration; trade.

The article has been received by the editor on 07.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дается обзор основных работ, опубликованных в конце XIX – начале XXI в. англо- и немецкоязычными исследователями и затрагивающих различные вопросы социально-экономического развития российского Дальнего Востока в «позднеимперский период», когда регион являлся местом притяжения для тысяч переселенцев. Цель статьи – выявить проблематику исследований и оценить их вклад в разработку

* **Ананьев Денис Анатольевич**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Anan'ev Denis A., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: denis.ananyev@gmail.com

указанной темы. Установлено, что в фокусе внимания англо- и немецкоязычных специалистов, опирающихся на теории «колонизации», «колониализма», методологический инструментарий исторической демографии и «экологической истории», оказались проблемы аграрной колонизации региона; миграции населения из других областей империи и сопредельных стран (Китай, Корея, Япония); развитие дальневосточной торговли. Немецкоязычные авторы начала XX в. (К. Виденфельд, В. Клумберг), придерживавшиеся «колониационной» парадигмы, давали преимущественно негативную оценку итогов аграрной колонизации Дальнего Востока в пореформенную эпоху. Современные исследователи (К. Шписс, А. Морич, Д. Ландграф и др.) признают как достижения, так и проблемы переселенческого дела на Дальнем Востоке, придерживаясь «компромиссной» позиции. Англоязычные исследователи акцентировали внимание на социокультурных и экологических аспектах хозяйственной деятельности переселенцев, проблемах взаимодействия представителей различных этносов (Л.Х. Сигельбаум); стремились вписать экономику российского Дальнего Востока в международный контекст, подчеркивая значение геополитического фактора, конкуренции колониальных держав (Дж. Стефан, М. Сокольский).

Ключевые слова: западная историография; Дальний Восток России; аграрная колонизация; миграции; торговля.

Исторический опыт хозяйственного освоения Дальнего Востока заслуживает самого пристального внимания, особенно в современных условиях, когда регион сталкивается с неблагоприятными тенденциями в социально-экономической сфере, оттоком населения, острыми экологическими проблемами. На рубеже XIX–XX вв. Дальний Восток, напротив, являлся местом притяжения для тысяч переселенцев из других частей империи и сопредельных стран.

Успехи экономического развития российского Дальнего Востока в дореволюционный период вызвали живой интерес у западных исследователей, прежде всего, в Великобритании, США и Германии, преследовавших собственные политические и экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В данной статье дается обзор основных работ, опубликованных англо- и немецкоязычными авторами в конце XIX – начале XXI в. и затрагивающих различные вопросы социально-экономического развития российского Дальнего Востока в «позднеимперский период»¹. Цель статьи – выявить проблематику исследований и оценить их вклад в разработку указанной темы.

На рубеже XIX–XX вв. к изучению **проблем аграрной истории** российского Дальнего Востока обратились немецкоязычные специалисты, в частности известные экономисты К. Виденфельд и В. Клумберг.² В одном из разделов своей монографии, посвященной анализу экономического значения Транссибирской магистрали, К. Виденфельд рассматривал ход и итоги крестьянских переселений на Дальний Восток и считал освоение региона (связанное с адаптацией русского населения к новым условиям, сильно отличающимся от привычных) задачей «внешней колонизации», противопоставляя ее «внутренней колонизации», характерной для Западной Сибири, и считая важнейшей особенностью «внешней колонизации» ее политическую составляющую.

Используя крестьянские переселения как инструмент упрочения российского присутствия, государство предоставило возможность бесплатного проезда из Одессы во Владиво-

¹ В территориальном отношении данное исследование ограничивается «внутренними районами» российского Дальнего Востока, что позволяет не рассматривать обширную историографию, посвященную вопросам развития транспортной инфраструктуры в масштабах Северо-Восточной Азии, включая сооружение Транссибирской магистрали, КВЖД или прокладку Северного морского пути. Кроме того, в предмет исследования не была включена историография штрафной колонизации Сахалина – отдельной темы, которой автор посвятил специальную статью. См.: *Ананьев Д.А.* Сахалинская каторга в оценках современных англо-американских и немецких историков // Гуманитарные науки в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 55–64.

² *Wiedenfeld K.* Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg, 1900; *Klumberg W.* Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich, 1914.

сток. Оказывая поддержку переселенцам, власти вместе с тем стремились обеспечить приток в регион тех, кто обладал необходимыми финансовыми средствами, справедливо полагая, что увеличение «пролетарских элементов» в присоединенном крае станет тяжелым бременем для местной администрации. К тому же у бедноты, в силу самых разных обстоятельств, будет мало шансов преуспеть³. Таким образом, если крестьянская семья изъявляла желание переселиться в Уссурийский край, она должна была предъявить свидетельство о наличии капитала в размере 600 руб.

К. Виденфельд отмечал, что землю на Дальнем Востоке можно было приобрести и в частную собственность, за исключением участков, находившихся непосредственно вблизи Транссибирской магистрали. Такие участки разрешалось только арендовать, что было вызвано стремлением не допустить спекулятивной перепродажи. Передавая землю в собственность, местные власти оговаривали возможность объявления покупателя утратившим права собственника, если он в течение трех лет не вложил в обработку своего земельного владения капитал, равный цене покупки или превышающий ее (в зависимости от размера участка). Тем самым предполагалось предотвратить скупку земель при отсутствии достаточных средств для ее обработки. Одновременно мигрантам из Китая запрещалось покупать землю вблизи городов, что объяснялось «соображениями политического свойства», хотя, по замечанию автора, в целом в Сибири не существовало каких-либо ограничений по национальному признаку.

По мнению немецких исследователей, несмотря на льготы, предусмотренные законодательством 1860-х – начала 1880-х гг., переселенческое движение на Дальнем Востоке не было заметным⁴, что отчасти объяснялось различиями в природно-климатических условиях, отчасти – удаленностью региона и значительными финансовыми затратами на переезд и обустройство на новом месте. По наблюдениям В. Клумберга, в начале XX в. в правительственных кругах начали распространяться новые настроения, позволявшие надеяться на развитие и расширение переселенческой политики и «появление либеральных идей» в законодательстве. Выработке нового взгляда на переселенческий вопрос, по мнению исследователя, способствовала инспекционная поездка министра финансов С.Ю. Витте на Дальний Восток, совершенная им в 1902 г. в целях изучения на месте перспектив колонизации региона.

По словам В. Клумберга, министр финансов возлагал большие надежды на мелиоративные и землеустроительные работы; планировал меры по содействию переселениям, расширение компетенции переселенческих комиссий, финансирование медицинских и санитарных служб, развитие коммуникаций, в т.ч. строительство железных, гужевых и автомобильных дорог. Все эти идеи были изложены им в отчете, который лег в основу «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев на казенные земли», принятых 6 июня 1904 г. и ставших важной вехой на пути к объявлению свободы переселений в период столыпинских реформ. Отмечая известные успехи в колонизации Сибири и Дальнего Востока, В. Клумберг все же давал пессимистичный прогноз.

Немецкий исследователь К. фон Цепелин в своем известном труде, посвященном развитию российского Дальнего Востока после войны с Японией, подчеркивал, что российские власти считали необходимым скорейшее заселение Дальневосточного региона, поскольку людские ресурсы соседнего Китая, при определенных обстоятельствах, могли стать фактором куда более весомым, нежели армия и флот. Анализируя данные, содержа-

³ *Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn ... S. 100.* К такому выводу приходят и современные отечественные исследователи. См. напр.: Редчун В.М. К вопросу об особенностях переселенческой политики Российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX века: правовой аспект // *Культура и наука дальнего Востока.* 2017. № 22 (22). С. 82–98.

⁴ Данный вывод фактически оспаривает современный отечественный историк Р.Я. Барбенко, полагающий, что крестьянские переселения второй половины XIX в. явились существенным фактором экономического и военно-политического закрепления Российской империи на Дальнем Востоке. См.: *Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. С. 205.*

щиеся в работах российских и зарубежных авторов (О. Гебеля, сотрудников Общеземской комиссии под руководством кн. Г.Е. Львова и др.), К. фон Цепелин признавал, что не все начинания местных властей удалось довести до конца, хотя довольно высоко оценил результаты деятельности ряда администраторов, в частности, приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти⁵.

По заключению А.Г. Дорожкина, преимущественно негативная оценка итогов аграрной колонизации Дальнего Востока в пореформенную эпоху сохранялась в немецкоязычной историографии до начала 1980-х гг.⁶ Новый взгляд на проблему в последней трети XX в. предложили швейцарский историк К. Шписс, австриец А. Морич и немецкие исследователи Д. Ландграф и Л. Деег, опиравшиеся на широкий круг источников (периодическую печать, статистические материалы, мемуарную литературу, справочные издания)⁷.

Признавая наличие не только экономических и внутрисполитических, но и геополитических расчетов в дальневосточной политике самодержавия, указанные авторы подчеркивали, что строительство Транссибирской магистрали, снятие ограничений для переселений и правительственная помощь усилили переселенческий поток в 1907–1914 гг. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что ни один государственный орган в сущности не был готов к массовому притоку переселенцев. По замечанию Д. Ландграфа, рост переселенческого потока превзошел все ожидания, усугубив жилищную проблему, трудности обеспечения новоселов земельными участками, а также усилив нагрузку на систему здравоохранения, несмотря на то, что в общем потоке мигрантов, направившихся в Сибирь в период Столыпинской аграрной реформы, доля тех, кто выбрал Дальний Восток, была ничтожной⁸.

По наблюдениям А.Г. Дорожкина, вслед за исследователями начала XX в, утверждавшими, что в годы реформ наибольший отток переселенцев происходил из наиболее перенаселенных южных и западных губерний, а также регионов Черноземья, А. Морич и Д. Ландграф установили, что основными регионами происхождения дальневосточных переселенцев были Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии (в первых трех аграрный вопрос был наиболее острым). Кроме того, часть переселенцев составляли выходцы с Урала. К переезду их вынуждала сложная ситуация, в которой оказались уральские предприятия в условиях постоянно растущей конкуренции со стороны металлургов Юга России. Основной приток мигрантов был из Центрально-Черноземного района, хотя и здесь переселения поглотили только половину естественного прироста населения. Западные исследователи признали, что в целом отток населения в ряде регионов Европейской России улучшил ситуацию, хотя значение этого фактора не следует переоценивать.

Анализируя условия, с которыми сталкивались переселенцы в местах водворения, К. Шписс и Д. Ландграф отмечали, что землеустроительные работы часто проводились небрежно, что приводило к ожесточенным спорам между крестьянами и самовольным

⁵ Paquet A. Rec. ad op.: Zepelin C., von. Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege. I-II. Teile. Russland in Asien. Bd. VIII. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1907–1909 // Geographische Zeitschrift. 1910. 16. Jahrg., 4 H. S. 236; Paquet A. Rec. ad op.: Zepelin, C. von. Der Ferne Osten. III. Teil. Das Kuestengebiet und Wladiwostok. Russland in Asien. Bd. XI. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1911 // Geographische Zeitschrift. 1911. 17. Jahrg., 12. H. S. 713–714.

⁶ Dorozhkin A.G., Makarova N.N., Bezurkov A.V., Popov M.V., Velikanova S.S., Chernykh O.P. The Resettlement Movement to the Far East During Stolypin's Reform in the Assessments of German-Speaking Russian Experts of the Second Half of the 20th Century // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC. March, 2018. Special Edition. P. 404–409; Дорожкин А.Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии // Отечественная история. 2006. № 4. С. 116–135; Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 41–49.

⁷ Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970. Zuerich, 1980. S. 27–28; Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien; Koeln; Graz, 1986. S. 178; Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917. Muenchen, 1989. S. 697; Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924. Essen, 1996. S. 206.

⁸ Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917. Muenchen, 1989. S. 736–737, 812.

захватам необработанных земельных участков. В целях упорядочения выделения земли новоселам в 1907 г. был издан указ, который обязывал семьи потенциальных переселенцев заблаговременно направлять на Дальний Восток ходоков.

В ряде районов Приамурья и Приморья довольно быстро обнаружилась нехватка свободных земель. Как следствие переселенцам часто выделяли бедные или болотистые земли, малопригодные для земледелия. Крестьяне с трудом адаптировались к дальневосточному климату, страдая от нехватки пресной воды и отсутствия лесных массивов. Кроме того, многие крестьянские хозяйства не располагали достаточным количеством работников и капиталом. Все это предопределило заметную «обратную миграцию» с Дальнего Востока. Одновременно часть переселенцев устремлялась в города, что привело к более высоким темпам урбанизации на Дальнем Востоке в сравнении с остальными регионами империи.

Тем не менее, как замечает А.Г. Дорожкин, политику П.А. Столыпина на восточных окраинах империи указанные авторы не считали неэффективной. Так, Л. Деег, отмечал рост численности сельского населения на Дальнем Востоке; интенсификацию сельскохозяйственного производства; расширение использования сельскохозяйственной техники; улучшение качества жизни переселенцев, сумевших обзавестись собственным хозяйством; постоянно растущий спрос на различные потребительские товары. Вместе с тем К. Шписс полагал, что правительству не удалось создать на Дальнем Востоке слой среднего крестьянства, самостоятельного, ориентированного на рыночное производство и лояльного к властям⁹. Вместо слоя зажиточных крестьян возник слой пролетариата и усилилось социальное расслоение, что, в свою очередь, способствовало развитию капиталистических отношений в дальневосточной деревне. В целом в 1980–1990-е гг. немецкоязычные историки признавали как достижения, так и проблемы переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке, придерживаясь «компромиссной» позиции¹⁰.

В англоязычной историографии одним из первых о проблемах хозяйственного развития российского Дальнего Востока после присоединения Приамурья и Приморья писал Э.Г. Равенштейн.¹¹ Результаты казачьей и крестьянской колонизации Приамурья в 1850-х – начале 1860-х гг. британский исследователь оценил как не очень значительные, хотя и признал, что окончательные итоги подводить рано¹². По словам Э.Г. Равенштейна, царской администрации так и не удалось превратить Приамурье в продовольственную базу для снабжения всего Тихоокеанского побережья, и залив Де-Кастри не превратился в оживленный центр международной торговли. В дальнейшем освоение Приамурья требовало все новых расходов, поскольку колонисты не могли себя прокормить, а необходимые товары приходилось ввозить из Сибири. Британский исследователь также упомянул о планах правительства переселить в Приамурье немцев-меннонитов из южных губерний России, которые, заметим, так и не были реализованы.

В XX в. вывод о провале попытки превратить Приамурье в продовольственную базу воспроизводили в своих работах историки-эмигранты — И.И. Гапанович, Д. Даллин, А. Малоземов¹³. В своей известной монографии А. Малоземов также упоминает о трудно-

⁹ Более высокую оценку итогов реализации программы столыпинских реформ на Дальнем Востоке дает Л.И. Галлямова. См.: *Галлямова Л.И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П.А. Столыпина // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 73–80.*

¹⁰ Подробнее см.: *Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Новосибирск, 2007. С. 41–49.*

¹¹ *Ravenstein E. Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. London: Truebner and Co., 1861.*

¹² Примечательно, что современный отечественный историк О.А. Сергеев оценивает итоги казачьей колонизации конца 1850-х – начала 1860-х гг. как вполне успешные, поскольку в этот период была реализована основная задача – заселение территорий по Амуру и Уссури и обеспечение их обороны и хозяйственного освоения. См.: *Сергеев О.И. Заселение юга Дальнего Востока России донскими казаками (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 5–9.*

¹³ *Gapanovich J.J. Russian Expansion on the Amur // China Journal XV. No. 4 (October, 1931). P. 173–182; Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. New Haven, Yale University Press, 1949.*

стях, связанных с содержанием флота; сложных взаимоотношениях с китайцами, производившими больше товаров, чем их северные соседи, и контролировавшими всю торговлю в районе реки Уссури. По заключению А. Малоземова, в условиях слабой экономической базы и неразвитых коммуникаций у России было мало шансов на улучшение торговых отношений с Китаем¹⁴.

В конце XX в. западные исследователи, изучавшие историю российского Дальнего Востока, уделяли более пристальное внимание **проблеме миграций** на российский Дальний Восток из сопредельных стран – Китая, Кореи и Японии. Так, американский историк, сотрудник Мичиганского университета Л.Х. Сигельбаум, опираясь на сведения, почерпнутые из работ западных (Дж. Ленсен, А. Малоземов и др.), дореволюционных (И.П. Ювачев, А.В. Елисеев) и советских (П.Ф. Борзунов) исследователей, анализировал роль китайских переселенцев в социально-экономическом развитии российского Дальнего Востока, их взаимоотношения с местным русским населением, а также миграционную политику центральных и местных властей в дореволюционный период¹⁵.

В статье, опубликованной в 1978 г., Л.Х. Сигельбаум упомянул о слабом интересе предшествующей историографии к данной теме, хотя масштабы миграций из Китая в сопредельные регионы России были чрезвычайно велики. Несмотря на то, что маньчжурская династия долгое время запрещала китайским подданным селиться в северных районах империи, считая эти территории своей вотчиной, следить за выполнением этого запрета было трудно. Помимо заключенных, трудившихся на казенных сельскохозяйственных предприятиях, население региона пополняли нелегальные переселенцы, которые начали проникать в Северную Маньчжурию на рубеже XVIII – XIX вв. Часть из них продвинулась еще дальше и поселилась в плодородной долине реки Зейя к северо-востоку от Амура. В основном это были крестьяне, бежавшие от голода и долгов. В 1850-х гг., во время восстания тайпинов, миграции на север только усилились.

К началу XX в., наряду с сельскохозяйственными поселениями в Амурско-Зейской долине, которые наблюдал еще Н.Н. Муравьев, местом концентрации китайского населения на российской территории были районы, прилегающие к р. Уссури. Таким образом, миграции китайцев и в Приамурье, и в Уссурийском крае явились продолжением колонизации Северной Маньчжурии, инициированной китайским правительством на рубеже 1870–1880-х гг. в целях противодействия экспансии России и Японии.

Приток населения из Центрального Китая превратился в масштабную иммиграцию, которая продолжилась и в XX в. В Приамурье и Приморье китайские крестьяне выращивали овощи для быстрорастущего населения городов и строителей железной дороги. Л.Х. Сигельбаум признает, что количество китайцев, пересекавших Амур и Уссури для занятия охотничьим промыслом, сельским хозяйством или торговлей, было невелико, если сравнивать с населением Северной Маньчжурии, однако китайцы образовали заметную диаспору в сравнении с русским населением региона, а с учетом незарегистрированных их доля была даже выше. Зачастую китайские мигранты оказывались намного успешнее русских колонистов.

По мнению историка, после 1881 г. политика царского правительства заключалась в том, чтобы побудить русских подданных к заселению дальневосточных территорий и в то же время максимально ограничить приток нерусского населения. В 1886 г. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф организовал «съезд сведущих людей» в Хабаровске, по итогам которого принял решение о выселении китайцев, проживавших на расстоянии более 50 верст от российской границы. В мае 1888 г. Государственный совет, действуя по рекомендации Приамурского генерал-губернатора, ввел, по определению Л.Х. Сигельбаума, «подушный налог» для всех китайских мигрантов с явной целью ограничения их притока в

¹⁴ Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley: University of California Press, 1958. P. 19.

¹⁵ Siegelbaum L.H. Another “Yellow Peril”: Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12. No. 2. P. 307–330.

Россию.¹⁶ В связи с начавшимся строительством Транссибирской магистрали (участка Хабаровск-Владивосток) китайские фермеры были выселены из Уссурийского края.

Последнее десятилетие XIX в. американский историк называет «вехой» в истории китайской миграции на российский Дальний Восток. В 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин заговорил об угрозе перехода дальневосточных земель в руки представителей «желтой расы», однако численность китайского населения в регионе только увеличивалась, что объяснялось растущим спросом на рабочую силу на строительстве железной дороги и на золотых приисках (первые упоминания о китайских старателях в Приамурье связаны с т.н. «Желтухинской республикой» 1884–1885 гг.).

По заключению автора, несмотря на то, что русское население Дальнего Востока зависело от поставок китайского продовольствия, промышленных товаров, а также труда китайских мигрантов, оно едва ли демонстрировало толерантное отношение к азиатам, жившим под постоянной угрозой выселения. Местные власти столкнулись со следующей дилеммой: руководя заселением Приамурья и содействуя российскому доминированию в Маньчжурии, они вынужденно зависели (по крайней мере временно) от услуг, предоставлявшихся теми, против кого была направлена политика русификации и «империалистической экспансии».

Наконец, в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, было принято законодательство, запрещающее нанимать китайских работников на предприятия в различных отраслях, однако государство продолжало зависеть от «желтого труда» для добычи золота на имперских приисках в Забайкалье. Можно было предположить, что правительство было заинтересовано в сокращении числа китайских старателей на частных приисках, к большому неудовольствию владельцев, но когда стало ясно, какое количество людских ресурсов потребуется для нужд армии во время войны, правительство разрешило нанимать китайских рабочих не только на приисках, но и на строительстве железной дороги, и в сельском хозяйстве.

Выводы, к которым пришел Л.Х. Сигельбаум, в целом поддержал его соотечественник Дж. Стефан, уделивший в своей монографии значительное внимание и другим национальным диаспорам. Американский историк заметил, что несмотря на то, что после 1860 г. китайские поселения в Приамурье и Приморье официально находились под юрисдикцией Цинской империи, фактически они были самоуправляющимися. Гильдии («землячества», хуэйфан), находившиеся в районе Сихотэ-Алинь, возглавлялись старейшинами, которые решали самый широкий круг вопросов, вершили правосудие и организовывали силы самообороны. Их власть также распространялась на аборигенное население, которое зависело от них в разных сферах, от поставок продовольствия до найма на работу.

Несмотря на определенную автономность своего существования, китайские мигранты оказывали существенное влияние на развитие региона и, по словам автора, «добавили космополитичный оттенок русской провинциальной жизни»¹⁷. Дж. Стефан приходит к выводу о мирном сосуществовании русского и китайского населения, хотя признает, что отношение русских к выходцам из Китая было неоднозначным. По мнению историка, возникновение своеобразного «гибридного языка», на котором общались русские и китайцы, свидетельствовало о высокой степени их взаимовлияния и взаимодействия¹⁸. С другой стороны, находясь под

¹⁶ 17 мая 1888 г. Александр III утвердил предложение Государственного мнения наделить Приамурского генерал-губернатора правом («в виде опыта на 10 лет») устанавливать по своему усмотрению особые сборы с проживавших в крае китайцев и корейцев, не владевших недвижимостью и не занимавшихся торговлей. Подробнее см.: *Позняк Т.З.* Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Восточного Института.* 2013. № 22 (2). С. 7–24; *Сорокина Т.Н.* «Вопрос о сокращении китайской торговли» в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв.: мнения и практика // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи.* Иркутск, 2015. С. 264–287; *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004.

¹⁷ *Stephan J.* The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P. 71.

¹⁸ Современные отечественные специалисты не склонны преувеличивать степень этого взаимопроникновения. См.: *Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII – первая половина XX в.).* Владивосток, 2013. С. 15.

впечатлением от поражения в войне с Японией и внимая предсказаниям тех, кто заявлял о «желтой угрозе», русские власти относились к азиатским диаспорам с подозрением. Для этого, впрочем, имелись определенные основания, если принять во внимание криминальные аспекты деятельности китайцев, в частности, масштабы производства опиума или контрабанды, процветавшей на всем протяжении русско-китайской границы.

Преимущественно мирными и взаимовыгодными представляются автору взаимоотношения русского населения и корейской диаспоры. В 1884 г. после заключения торгового договора между Санкт-Петербургом и Сеулом корейцы, проживавшие в России, приобрели легальный статус и получили участки земли в 15 десятин. Те, кто прибыл после 1884 г., могли стать российскими подданными при условии проживания в регионе не менее пяти лет. В период с 1898 по 1917 гг. примерно четверть всех корейцев в Приамурье были российскими подданными.

Дж. Стефан подчеркивает, что в отличие от китайцев, предпочитавших общаться с соплеменниками, корейцы довольно быстро ассимилировались, учили русский язык и принимали православие. Их дети обучались в русских школах и становились коммерсантами, сотрудниками телеграфа и почты, ветеринарами, школьными учителями, формируя ядро «русско-корейской буржуазии». В то же время они сохраняли свою национальную идентичность и связь с родиной предков. Во Владивостоке у корейцев была своя администрация, в круг обязанностей которой входил сбор налогов, распределение благотворительной помощи, содействие трудоустройству и проведение праздничных мероприятий.

По наблюдениям американского историка, Приамурские генерал-губернаторы С.М. Духовской и Н.И. Гродеков продолжили наступление, начатое А.Н. Корфом. Они ликвидировали некоторые китайские организации в Хабаровске и Владивостоке, а также пытались русифицировать корейскую молодежь и переселяли корейцев из стратегически важного района бухты Посьета на земли, прилегающие к притокам Уссури в Сихотэ-Алинь. Однако усилия русских властей, направленные на русификацию корейцев, лишь повышали их привязанность к родному языку и культуре. Отказавшись от политики русификации, которую проводил Н.И. Гродеков, П.Е. Унтербергер пытался заставить корейцев уехать из Приморья.

Впрочем, как пишет Дж. Стефан, позиция русских властей в этом вопросе могла меняться в зависимости от обстоятельств. После 1905 г., когда Япония все больше подчиняла себе Корею, ссыльные корейцы, проживавшие на юге Приморья, усилили политическую агитацию, тренировали бойцов, нападая на местных японцев, а в 1908 г. совершили вооруженный набег на другой берег реки Туманной. Когда кореец из Владивостока убил японского государственного деятеля Ито Хиробуми в Харбине в 1909 г., Токио потребовал от Санкт-Петербурга принять меры в отношении корейских экспатриантов. Русские власти ответили высылкой нескольких активистов в Иркутск, но не запретили корейским националистам выпускать их газеты.

Среди выходцев из Восточной Азии, наименее многочисленной среди выходцев была японская диаспора. К 1900 г. общее количество японцев, проживавших на территории российского Дальнего Востока, не превышало 4 тыс. чел., из которых около 70 % были выходцами из Нагасаки. Свою малочисленность японцы компенсировали организованностью. Ввиду того, что Санкт-Петербург не разрешил открыть консульство во Владивостоке, Токио полагался на своих «торговых агентов» – таких, как Севаки Хитоза и Каваками Тошихико¹⁹.

В отличие от китайцев и корейцев, японцы не занимались сельским хозяйством, предпочитая торговлю и сферу услуг. Кроме того, их исключительной «вотчиной» оставалась рыболовная отрасль, поскольку по условиям Санкт-Петербургского договора 1875 г. за японским населением, проживавшим на Сахалине, было сохранено право оставаться на острове и заниматься прежними промыслами с освобождением от портовых пошлин в Корсакове на 10 лет. Произвольно трактуя предусмотренное договором право действовать вблизи берегов, японские рыболовы вошли в устье Амура и возвели склады и перерабатывающие предприятия в Николаевске.

¹⁹ *Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P. 71–82.*

Все это позволило им развивать прибрежное рыболовство и переработку с удивительным размахом, что побудило российские власти уже в 1880-х гг. принять ряд мер, направленных на постепенное выдавливание японских рыбопромышленников с острова. Впрочем, после русско-японской войны ситуация лишь усугубилась²⁰. Портсмутский договор 1905 г. и рыболовная конвенция 1907 г. не только гарантировали японцам доступ в водные артерии Дальнего Востока, но и позволили им нанимать собственных рабочих – этой привилегией предприниматели пользовались особенно активно на Камчатке.²¹

В целом, по заключению Дж. Стефана, нежелание местных властей проводить более жесткую миграционную политику объяснялось, прежде всего, зависимостью экономики Дальневосточного региона от миграции рабочей силы и деятельности мелких предприятий, созданных выходцами из сопредельных азиатских стран. Историк замечает, что потребовалось еще несколько десятилетий и более жесткая идеология, чтобы достигнуть цели, поставленной в свое время Н.Л. Гондатти²², – обеспечить на Дальнем Востоке подавляющее большинство русского населения в противовес малочисленным диаспорам выходцев из азиатских стран.

В ряде работ англо- и немецкоязычных исследователей рассматриваются проблемы развития **дальневосточной торговли** в дореволюционный период. В 1996 г. немецкий журналист Л. Деег опубликовал монографию, посвященную компании Kunst und Albers – первой иностранной торговой фирме, действовавшей на российском Дальнем Востоке с 1864 г. Автор, не владевший русским языком, не использовал документы из российских архивов, опираясь преимущественно на документы из частных коллекций, принадлежавших потомкам немецких предпринимателей Г. Кунста, Г. Альберса и А. Даттана²³.

По мнению Л. Деега, российская экспансия на Дальнем Востоке в середине XIX в. была обусловлена имперскими амбициями и желанием взять реванш за поражение в Крымской войне, и в итоге Россия стала участницей «империалистической гонки». Автор показывает сложную внутривосточную и международную обстановку, в которой приходилось работать сотрудникам фирмы. Внешние потрясения сопровождалась многолетней и неприимой враждой, которая велась в руководстве фирмы между ее владельцами, однако к катастрофическим последствиям привел не внутренний конфликт, а начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, когда совладелец фирмы и руководитель отделения во Владивостоке Адольф Даттан был выслан во внутренние районы Сибири как «немецкий шпион».

Показав экономические связи, некогда существовавшие между Россией и Германией, Л. Деег признал, что для европейцев Владивосток остается загадочным местом, которое так и не было нанесено на их «ментальную карту». Исследователь задается вопросом, превратится ли Владивосток в мировой промышленный центр или так и останется портом, через который вывозятся природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока.

В одном из разделов своей монографии по истории Дальнего Востока Дж. Стефан излагает общий взгляд на развитие дальневосточной торговли, связанной, по определению автора, «с нарастающей международной экономической деятельностью в Северо-Восточной Азии»²⁴. В монографии сопоставляются данные о крупнейших дальневосточных городах, в разное время занимавших лидирующие позиции в дальневосточной торговле – Николаевске,

²⁰ Немецкая исследовательница Э.-М. Столберг также полагает, что заключение Портсмутского мира в 1905 г., по которому Россия уступила Японии права на рыбную ловлю в Беринговом и Охотском морях, привело к нарушению российского суверенитета и ознаменовало начало экономической гегемонии Японии на Дальнем Востоке. По данным исследовательницы, в 1907–1911 гг. «Мицубиси», «Мицуи» и другие компании импортировали 6,3 млн пудов рыбы, выловленной в тихоокеанских водах России. См.: *Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s–1920s // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905. Folkestone, 2007. P. 46–62.*

²¹ *Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P. 71–82.*

²² *Ibid. P. 81.*

²³ *Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924. Essen, 1996.*

²⁴ *Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P. 80–84.*

Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке; описывается деятельность крупнейших предпринимателей, российских (И.Я. Чурин, А.В. Плюснин) и зарубежных, в частности американца Е. Эмери, немцев Г. Кунста, Г. Альберса, А. Даттана, швейцарца Ю. Бринера, шведа О. Линдхолма и шотландца Дж. Денби. Историк замечает, что российские законы запрещали иностранцам вкладывать деньги и приобретать земли в регионе, но западные «предприниматели обходили запреты, обзаводясь русским подданством, русскими деловыми партнерами или русскими женами».

Наиболее обстоятельно автор описывает торговую деятельность своих соотечественников, полагая, что политика царского правительства в отношении американцев колебалась от попыток их полного изгнания до регулирования их деятельности²⁵. Дж. Стефан резюмирует, что Дальний Восток не стал «новой Калифорнией» для американского капитала, поскольку «надежды, связанные с богатыми месторождениями минералов, географической близостью и предпринимательской риторикой, неуклонно разбивались о политические и экономические реалии». Руководствуясь геополитическими соображениями и национальными интересами, российские власти в разное время отвергли предложения американцев о прокладке телеграфной линии из Сиэтла в Европу; строительстве железнодорожной магистрали из Чикаго в Париж через Берингов пролив; совместном освоении Сахалина и эксплуатации Уссурийской железной дороги.

В то же время в России продолжались споры по вопросу о том, следует ли сохранять зоны свободной торговли, созданные в начале 1860-х гг. вдоль границы с Китаем и в портах Тихоокеанского побережья. В 1913 г. была упразднена зона свободной торговли вдоль русско-китайской границы, но в 1914 г., в условиях начавшейся войны, ее восстановили. Центральные державы блокировали Балтику и Черное море, поэтому Владивосток остался единственным крупным портом, через который Россия могла получать необходимые товары. По замечанию историка, многим в то время становилось ясно, что слабость России на Дальнем Востоке делает неизбежным появление в регионе американцев или японцев²⁶.

Экологические аспекты колонизации Приморья изучает современный канадский историк М. Сокольский, защитивший в 2016 г. по данной теме диссертацию в Университете штата Огайо²⁷. М. Сокольский разрабатывает проблематику междисциплинарного научного направления «экологическая история», связанного с изучением исторических взаимосвязей между обществом и окружающей средой. В рамках «экологической истории» наибольший интерес для него представляет история природоохранной деятельности, а также проблема «экологических изменений в колониальном контексте». В отличие от многих работ, посвященных теме «империализма и изменений природной среды», в диссертации М. Сокольского подчеркивается значение геополитических факторов и соперничества империй.

Экологические изменения в Приморье автор объясняет не только влиянием колонизации. М. Сокольский также стремится выяснить, почему эти изменения не были более масштабными. Действительно, сегодня в Приморье лесов больше, чем в соседней Маньчжурии; в Уссурийской тайге сохранились тигры, тогда как в Китае они почти повсеместно исчезли. Эта разница, по утверждению М. Сокольского, отчасти объясняется усилиями российской элиты по охране природы, в чем видели инструмент империостроительства и имперского управления.

Все эти меры воспринимались как примеры «рационального природопользования», хотя М. Сокольский убежден, что их главной целью было утверждение российского господства на Дальнем Востоке. Власти стремились к «рациональному» использованию ресурсов, руководствуясь принципом «что хорошо для русской колонизации, то хорошо для природной

²⁵ Такая оценка совпадает с выводами отечественных исследователей. См.: Устюгова О.А. Торговые отношения на юге Дальнего Востока во второй половине XIX В. Их правовые основы и административное регулирование // Россия и АТР. 2003. № 5. С. 41–46.

²⁶ Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P. 90.

²⁷ Sokolsky M. Between Predation and Protection: Forests and Forestry in Late-Tsarist Primorie // Sibirica: Journal of Siberian Studies, (Summer, 2014), Vol. 13.2. P. 28–61; Sokolsky M. Taming Tiger Country: Colonization and Environment in the Russian Far East, 1860–1940. Ph.D. in History. The Ohio State University, 2016.

среды». По мнению М. Сокольского, взаимосвязь между инициаторами природоохранных мероприятий и проводниками империалистической политики в Приморье более точно описывается термином «зеленая» цивилизаторская миссия», предложенным Дж.К. Уилсоном. Именно так можно охарактеризовать позицию тех, кто разделял убеждение, что Россия, как носительница идей Просвещения и/или европейской цивилизации, была способна лучше распоряжаться природными ресурсами, чем другие народы.

Таким образом, в фокусе внимания англо- и немецкоязычных специалистов, опиравшихся на теории «колонизации», «колониализма», методологический инструментарий исторической демографии и «экологической истории», оказались проблемы аграрной колонизации региона; миграции населения из других областей империи и сопредельных стран (Китая, Кореи, Японии); развитие дальневосточной торговли. Немецкоязычные авторы начала XX в. (К. Виденфельд, В. Клумберг), придерживавшиеся «колониационной» парадигмы, давали преимущественно негативную оценку итогов аграрной колонизации Дальнего Востока в пореформенную эпоху. Современные исследователи (К. Шписс, А. Морич, Д. Ландграф и др.) признают как достижения, так и проблемы переселенческого дела на Дальнем Востоке, придерживаясь «компромиссной» позиции.

Англоязычные исследователи акцентировали внимание на социокультурных и экологических аспектах хозяйственной деятельности переселенцев, проблемах взаимодействия представителей различных этносов (Л.Х. Сигельбаум); стремились вписать экономику российского Дальнего Востока в международный контекст, подчеркивая значение геополитического фактора, конкуренции колониальных держав (Дж. Стефан, М. Сокольский). В XX в. всестороннее изучение избранной темы западными специалистами затруднялось отсутствием у них свободного доступа к архивным материалам, хранившимся в Российской империи и СССР. Вместе с тем многие выводы и оценки, изложенные в публикациях англо- и немецкоязычных авторов, представляют безусловный интерес и должны быть приняты во внимание отечественной историографией.

Литература

Ананьев Д.А. Сахалинская каторга в оценках современных англо-американских и немецких историков // Гуманитарные науки в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 55–64.

Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 с.

Галлямова Л.И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П.А. Столыпина // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 73–80.

Дорожкин А.Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии // Отечественная история. 2006. № 4. С. 116–135.

Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: сб. мат-лов регионал. науч. конф. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 41–49.

Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 371 с.

Позняк Т.З. Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного Института. 2013. № 22 (2). С. 7–24.

Редчун В.М. К вопросу об особенностях переселенческой политики Российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX века: правовой аспект // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 22. С. 82–98.

Сергеев О.И. Заселение юга Дальнего Востока России донскими казаками (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 5–9.

Сорокина Т.Н. «Вопрос о сокращении китайской торговли» в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв.: мнения и практика // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 264–287.

Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII – первая половина XX в.). Владивосток: Рея, 2013. 256 с.

Устюгова О.А. Торговые отношения на юге Дальнего Востока во второй половине XIX в. Их правовые основы и административное регулирование // Россия и АТР. 2003. № 5. С. 41–46.

Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. New Haven: Yale University Press, 1949. 293 p.

Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924. Essen: Klartext-Verlag, 1996. 320 S.

Dorozhkin A.G., Makarova N.N., Bezurkov A.V., Popov M.V., Velikanova S.S., Chernykh O.P. The Resettlement Movement to the Far East During Stolypin's Reform in the Assessments of German-Speaking Russian Experts of the Second Half of the 20th Century // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC. March, 2018. Special Edition. P. 404–409.

Gapanovich J.J. Russian Expansion on the Amur // China Journal XV. No. 4 (October, 1931). P. 173–182.

Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914. 124 S.

Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917. Muenchen, 1989. 956 S.

Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley: University of California Press, 1958. 358 p.

Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien–Koeln–Graz, 1986. 257 S.

Paquet A. Rec. ad op.: Zepelin C., von. Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege. I-II. Teile. Russland in Asien. Bd. VIII. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1907– 1909 // Geographische Zeitschrift. 1910. 16. Jahrg., 4 H. S. 236.

Paquet A. Rec. ad op.: Zepelin, C. von. Der Ferne Osten. III. Teil. Das Kuestengebiet und Wladiwostok. Russland in Asien. Bd. XI. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1911 // Geographische Zeitschrift. 1911. 17 Jahrg., 12. H. S. 713–714.

Siegelbaum L.H. Another “Yellow Peril”: Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12. No. 2. P. 307–330.

Sokolsky M. Between Predation and Protection: Forests and Forestry in Late-Tsarist Primorie // Sibirica: Journal of Siberian Studies. (Summer, 2014). Vol. 13.2. P. 28–61.

Sokolsky M. Taming Tiger Country: Colonization and Environment in the Russian Far East, 1860–1940. Ph.D. in History. The Ohio State University, 2016. 408 p.

Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970. Zuerich, 1980. S. 27–28.

Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. 348 p.

Stolberg E.-M. “The Unknown Enemy”: The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905 / Ed. by R. Kowner. Folkestone, 2007. P. 46–62.

Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1900. 119 S.

References

Anan'ev, D.A. (2019). Sakhalinskaya katorga v otsenkakh sovremennykh anglo-amerikanskikh i nemetskikh istorikov [Sakhalin Penal Colony in the Works of Modern British, American and German Historians]. In *Gumanitarnyye nauki v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*. No. 2, pp. 55–64.

Barbenko, Ya.A. (2010). Krestyanskoye rasseleniye v Primorskoj oblasti kak chast kolonizatsii Priamurya vo vtoroy polovine XIX v. [Peasant Settlement in the Maritime Province as Part of Russian Colonization of the Amur Region in the Latter Half of the 19th Century]. Dr. hist. sci. diss. Vladivostok. 276 p.

Dallin, D.J. (1949). *The Rise of Russia in Asia*. New Haven, Yale University Press, 1949. 293 p.

Deeg, L. (1996). *Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924*. Essen, Klartext-Verlag. 320 s.

Dorozhkin, A.G. (2006). Stolypinskaya agrarnaya reforma v otsenkakh sovremennoj germanoyazychnoy istoriografii [The Stolypin Agrarian Reform as Evaluated by Contemporary German-Language Historiography]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 116–135.

Dorozhkin, A.G. (2007). Pereselencheskaya politika samodержaviya i khozyaystvennoye osvoyeniye Sibiri i Dalnego Vostoka v kontse XIX – nachale XX v. v osveshchenii nemetskoyazychnoy istoriko-ekonomicheskoy literatury [The Resettlement Policy of Autocracy and Economic Development of Siberia and Far East in the Late 19th – Early 20th Century as Covered in the German-Language Works]. In *Rol gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokulturnom razvitiy Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka: sb. materialov regional. nauch. konf. Novosibirsk, RIPEL*, pp. 41–49.

Dorozhkin, A.G., Makarova, N.N., Bezurkov, A.V., Popov, M.V., Velikanova, S.S., Chernykh, O.P. (2018). The Resettlement Movement to the Far East During Stolypin's Reform in the Assessments of German-Speaking Russian Experts of the Second Half of the 20th Century. In *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC*. March. Special Edition, pp. 404–409.

Gallyamova, L.I. (2013). Osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Dalnego Vostoka v kontekste reform P.A.Stolypina [Specific Features of Social and Economic Development of the Far East in the context of P.A.Stolypin's Reforms]. In *Vestnik DVO RAN*. No.1, pp. 73–80.

Gapanovich, J.J. (1931). Russian Expansion on the Amur. In *China Journal XV*. No. 4, pp. 173–182.

Klumberg, W. (1914). *Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich. 1914*. Diss. Zürich, Gebr. Leemann. 124 S.

Landgraf, D. (1989). *Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917*. Diss. Muenchen. 956 S.

Larin, V.P. (Ed.) (2013). *Etnokulturnyye i sotsialno-ekonomicheskiye problemy osvoeniya smezhnykh territoriy Severo-Vostochnoy Azii: rossiyskiy Dalniy Vostok, Severo-Vostochnyy Kitay, o. Khokkaydo (Yaponiya) (XVII – pervaya polovina XX v.)*. [Ethnocultural and Socio-Economic Problems of Development of Bordering Territories of North-Eastern Asia: Russian Far East, North-Eastern China, Hokkaido (Japan) (17th – first half of the 20th century)]. Vladivostok, Reya. 256 p.

Malozemoff, A. (1958). *Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War*. Berkeley, University of California Press. 358 p.

Moritsch, A. (1986). *Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution*. Vienna, Bohlau. 257 S.

Nesterova, Ye.I. (2004). *Russkaya administratsiya i kitayskiye migranty na Yuge Dalnego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*. Vladivostok, Izd-vo Dalnevost. Un-ta. 371 p.

Paquet, A. (1910). Rec. ad op.: Zepelin C., von. Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege. I-II. Teile. Russland in Asien. Bd. VIII. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1907–1909. In *Geographische Zeitschrift*. 16. Jahrg., 4 H. S. 236.

Paquet, A. (1911). Rec. ad op.: Zepelin, C. von. Der Ferne Osten. III. Teil. Das Kuestengebiet und Wladiwostok. Russland in Asien. Bd. XI. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1911. In *Geographische Zeitschrift*. 17. Jahrg., 12. H. S. 713–714.

Poznyak, T.Z. (2013). Rossiyskaya immigratsionnaya politika v otnoshenii vykhodtsev iz Kitaya na Dalnem Vostoke vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Russian Immigration Policy Regarding the Migrants from China in the Far East in the Second Half of the 19th – early 20th Century]. In *Izvestiya Vostochnogo Instituta*. No. 22 (2), pp. 7–24.

Redchun, V.M. (2017). K voprosu ob osobennostyakh pereselencheskoy politiki Rossiyskogo pravitelstva na Dalnem Vostoke vo vtoroy polovine XIX veka: pravovoy aspekt [On the question of Specifics of Resettlement Policy of the Russian Government in the Far East in the Second Half of the 19th Century: Legal Aspect]. In *Kultura i nauka Dalnego Vostoka*. No. 22, pp. 82–98.

Sergeev, O.I. (2011). Zaseleniye yuga Dalnego Vostoka Rossii donskimi kazakami (konets XIX – nachalo XX v.). [Settlement of the Southern part of the Russian Far East by the Don Cossacks Late 19th – Early 20th Century]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 5–9.

Siegelbaum, L.H. (1978). Another “Yellow Peril”: Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917. In *Modern Asian Studies*. Vol. 12. No. 2, pp. 307–330.

Sokolsky, M. (2014). Between Predation and Protection: Forests and Forestry in Late-Tsarist Primorie. In *Sibirica: Journal of Siberian Studies*, Vol. 13. No. 2. pp. 28–61.

Sokolsky, M. (2016). Taming Tiger Country: Colonization and Environment in the Russian Far East, 1860–1940. Ph.D. in History. The Ohio State University. 408 p.

Sorokina, T.N. (2015). “Vopros o sokrashchenii kitayskoy trgovli” v Priamurskom kraye na rubezhe XIX–XX vv.: mneniya i praktika [“The Issue of Decreasing Chinese Trade” in the Amur Region at the Turn of 19th – 20th Centuries: Opinions and Practice]. In *Etnicheskiye rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi*. Irkutsk, Izd-vo IGU, pp. 264–287.

Spiess, K. (1980). *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970*. Zuerich, Atlantis. 200 s.

Stephan, J. (1984). *The Russian Far East: a history*. Stanford. 348 p.

Stolberg, E.-M. (2007). “The Unknown Enemy”: The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s–1920s. In *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905* / ed. by R. Kowner. Folkestone, 2007, pp. 46–62.

Ustyugova, O.A. (2003). Torgovyie otnosheniya na yuge Dalnego Vostoka vo vtoroy polovine XIX v. Ikh pravovyie osnovy i administrativnoye regulirovaniye [Trade Relations in the southern part of the Russian Far East in the Second Half of the 19th century. Their legal basis and administrative regulation]. In *Rossiya i ATR*. No. 5, pp. 41–46.

Wiedenfeld, K. (1900). *Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung*. Berlin, Heidelberg, Springer-Verlag. 119 S.

Статья поступила в редакцию 07.05.2020 г.